

Уточнение систематического положения учения о схематизме в "Критике чистого разума": разночтения А. Филоненко и М. Хайдеггера

Научный руководитель – Тихонов Андрей Владимирович

Азаров Артемий Алексеевич

Студент (магистр)

Южный федеральный университет, Институт философии и социально-политических наук, Кафедра истории философии, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: artemiy.aaa@mail.ru

Кантовское учение о схематизме чистого рассудка представляет собой основополагающий элемент критической философии и его место в истории философии выглядит тем важнее, чем менее понятными выглядят его систематические предпосылки. В докладе предлагается рассмотреть две разных и содержащих полемические основания в адрес друг друга интерпретации - версия А. Филоненко, выдающегося французского историка философии, и М. Хайдеггера, одного из виднейших мыслителей XX в. Предметом этой заочной полемики является переоценка статуса главы о схематизме в "Критике чистого разума" с учётом двух отличающихся - и это суть камень преткновения - изданий последней. Стоит упомянуть, что интенция оспорить хайдеггеровское толкование принадлежит Алексису Филоненко, который видел в нём захватывающую умы современников и приобретающую всё большее число последователей "сильную" интерпретацию, по формальным причинам игнорирующую определённые положения кантовского учения [Philonenko, 1981, p. 7]. Отправным пунктом интерпретации Хайдеггера в свою очередь является структурное и содержательное различие между первым и вторым изданием "Критики чистого разума", 1781 и 1787 гг., которое указывает на пересмотр дедукции категорий (в первом издании - субъективная/психологическая, во втором - объективная [Кант, 1994, с. 92-120, 499-515]) и подвешенное положение главы о схематизме исходя из данного ракурса. Согласно Хайдеггеру: «...цель Критики чистого разума оказывается понятой неверно, когда это произведение истолковывается как "теория опыта или, тем более, как теория позитивных наук. Критика чистого разума не имеет ничего общего с "теорией познания"» [Хайдеггер, 1997, с. 16]. После указания на причины считать неверными теоретико-познавательные прочтения "Критики чистого разума", Хайдеггер выдвигает герменевтический по своим перспективам тезис: проект критической философии следует осмыслить в русле обоснования метафизики. Не безосновательное утверждение, т.к. то, как причесходит экспозиция дедукции категорий сводится к переосмыслению понятия времени. Обращаясь к различным изложениям учения о категориях в двух изданиях, Хайдеггер отдаёт предпочтение субъективной дедукции категорий из первого издания ввиду того, что Кант именно в ней вплотную приблизился к проблеме обоснования метафизики на основании времени и субъективных синтезах (синтез прекогниции, синтез аппрегензии, синтез репродукции). Известно, что проблема субсумации категорий решается Кантом на почве трансцендентального понятия времени, т.е. категории как чистые понятия рассудка и словия возможности опыта приобретают объективную значимость (применимы к явлениям эмпирического созерцания, или представления) посредством темпоральных определений, являющихся продуктами способности воображения - схемами [Кант, 1994, с. 124-127]. В хайдеггеровском ракурсе способность воображения выступает главенствующей способностью, обеспечивающей онтологический, временной синтез, приводящий трансцендентальную аппреценцию и операции схематизма к первоначальному синтетическому единству [Хайдеггер, 1997, с. 56-60, 94-98]. Проблемой в таком случае выступает возможность трансценденции, или

обоснование онтологии, которую Хайдеггер отмечает как нерешённую Кантом из-за того, временные определения, схемы, не до конца остались связанными с трансцендентальной аппрецепцией.

Алексис Филоненко полемизирует с хайдеггеровской интерпретацией, выдвигая в некотором смысле противоположный герменевтический тезис: да, нельзя ни в коем случае упускать из виду разницу между субъективной и объективной дедукциями, однако она не служит указанием на содержательную переориентацию Канта во втором издании. Дело в том, подчёркивает Филоненко, что глава о схематизме, являясь сердцем "Критики чистого разума", не была подвергнута пересмотру и именно этот исторический факт венчает собой проблематичность хайдеггеровского толкования: «Если предположить, как хочет Хайдеггер, что целью второго издания является восстановление прерогатив разума, то отсутствие какой-либо переработки этой знаменитой главы подразумевает, что в сознании Канта она ни в коей мере не противоречит рациональности и что отнюдь не угрожает, как хотел Хайдеггер, верховенству разума/учению о трансцендентальном схематизме, а скорее поддерживает его» [Philonenko, 1981, p. 13-14].

Отправным пунктом истолкования Филоненко является пересмотра хайдеггеровского прочтения кантовского учения о схематизме и переоценка роли этой главы. В ракурсе такой интерпретации центральной проблемой учения о схематизме является стратегическое значение психологического понимания применения категорий. Филоненко связывает главу о схематизме с попыткой решения проблемы общих представлений и понятий, которая своеобразно решалась Локком, Беркли и Юмом. Как известно, Юм утверждал, что общие представления, или идеи, возникают на основе привычки в качестве ассоциаций. Локк показал на примере общей идеи треугольника абсурдность подобной постановки проблемы. Беркли, ссылаясь на непосредственный опыт каждого индивида, пришёл к выводу о невозможности общей идеи треугольника, ибо представить себе множество видов треугольников в одном представлении, которое содержало бы все эти виды, невозможно. Филоненко видит в главе о схематизме подтверждение результатов дедукции, поскольку Кант в ней показывает как общие представления в операции схематизма обретают объективную значимость в опыте. И более того, с точки зрения Филоненко Кант «...написал несколько страниц, непосредственно направленных на критику англосаксонской эмпирической философии от Беркли до Юма» [Philonenko, 1981, p. 14]. Таким образом, Филоненко отвечает на вопрос о том, почему Кант не внёс существенные корректировки в главу о схематизме несмотря на переписывание дедукции категорий следующим: «Проблема применимости - это проблема рассудочности... Здесь нет вопроса о трансценденции, конечности или онтологии. Задача Канта - показать, что тезис Беркли на самом деле является псевдоочевидностью, и сделать из этого выводы» [с. 16, 17].

Следует отметить, что истолкование "Критики чистого разума" в подобном ключе поистине является интересным, т.к. под таким углом зрения критическая философия приобретает более отчётливые очертания посредством исторического пересмотра поднятых или имплицитно содержащихся в ней проблем. В случае с Филоненко мы можем пронаблюдать действенность проблематического подхода в историко-философских штудиях. Здесь нас интересует постановка вопросов со стороны толкования в полемических рамках, важно именно то, с каких позиций может происходить оспаривание итогов какой-либо интерпретации. Филоненко приходит к следующему выводу: «Трансцендентальный схематизм - это, прежде всего, не окончательное раскрытие мысли Канта, а своего рода контрдоказательство, позволяющее полностью подтвердить дедукцию» [Philonenko, 1981, p. 14-15]. Итогом полемического выступления Филоненко становится уяснение проблемно-исторической роли учения о схематизме и снятии проблемы различия первого и второго издания КЧР.

Таким образом, сопоставляя интерпретации Филоненко и Хайдеггера, можно по-новому перечитать "Критику чистого разума" и выделить для себя несколько планов прочтения: историко-философское исследование проблематического измерения критической философии (Филоненко) и самостоятельное толкование положений критической философии исходя из настоящего момента, что в свою очередь может принести немало герменевтических открытий.

Источники и литература

- 1) Кант И. Критика чистого разума. М. 1994. 591, [1] с.
- 2) Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. Логос Москва, 1997.
- 3) Philonenko, A. Etudes kantienues. Paris, Vrin. 1981.